# В. М. ДОРОШЕВИЧ

# Избранное

SHOUT
SHARE
IT

# Annotation

«Скончался А.А. Рассказов.

Какое старое это имя!

Какого далекого, какого другого времени!

Все те светила, среди которых небольшой, но яркой звездочкой горел в Малом театре его талант, давным-давно перешли в „труппу Ваганьковского кладбища“…»


- Влас Михайлович Дорошевич
  - * * *
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

# Влас Михайлович Дорошевич
# А.А. Рассказов [1]

*Посвящается «доброму» старому времени*

* * *

Скончался А.А. Рассказов.[2]

Какое старое это имя!

Какого далекого, какого другого времени!

Все те светила, среди которых небольшой, но яркой звездочкой горел в Малом театре его талант, давным-давно перешли в «труппу Ваганьковского кладбища».

Смерть словно забыла про старика.

– Наши все на Ваганьковском! – хихикая, говорил Александр Андреевич. – Кладбищенский отец дьякон основательно шутит, когда актера какого хоронят: «У нас на Ваганьковском-то труппа почище, чем у вас в Малом театре». А я держусь! На Ваганьковское часто езжу. То тот, то другой из сверстников подомрет. Езжу, – только назад возвращаюсь!

И старик смеялся хитрым и довольным смешком.

Деятельность Рассказова.

Мне попалась как-то афиша одного из первых представлений «В чужом пиру похмелье» – Островского.

Андрея Титыча Брускова[3], – кудрявого Андрюшу, – играл «г. Рассказов».

Какие исторические! Какие доисторические, можно сказать, времена!

Настоящая деятельность Рассказова протекала при Щепкине, при Шуйском, при Садовском.

«Настоящая деятельность», – потому что под конец своей жизни старик «больше не играл, а баловался», – «играл, чтоб не забыть», развлекался, чтоб не скучать.

Он жил на покое.

Жизнь началась для него трудно.

– Только тем и жил-с в молодых годах, что купеческих детей танцам обучал. Ведь мы в старину – и, батюшка вы мой, из театрального-то училища выходя, все знать должны были. Это не то, что теперь-с актеры пошли, которые ничего не знают: а мы и фехтованию, и танцам. Бывало, есть свободный вечер, в Замоскворечье и лупишь. Молодцы из «города» придут, купеческие дети к свадьбам готовятся. Огулом и учишь. Русским танцам, вприсядку. Но только купеческие дети больше французские танцы любили. Польку-трамблян, кадриль, вальс. Ну, и поклонам, и как даме руку подавать. Комплиментам тоже обучал. Из ролей комплименты брал и их говорить учил. Копеек тридцать-сорок в час платили. В старину-то просто было.

Под конец жизни старик отдыхал в своем «имении», под

Симбирском, на берегу Волги.

Он всех звал к себе:

– Поедете, батюшка вы мой родной, по Волге, ко мне в «Рассказовское ущелье» заезжайте. Благодать, рай! Потому и не умираю, что умирать не надобно. Господи, Боже мой! – в каком-то восхищенье восклицал старик. – Чего мне еще от Господа надобно! Живу, можно сказать, барином! Все у меня, слава тебе Господи, есть! Все свое, не купленное! И морковка, и капуста, и репка, и прочая овощь всякая, и ягоды, и рыбка своя, и творог, молочко, сметана, масло. И огород, и сад, и луг свой, и пристань.

– Велико у вас, Александр Андреевич, имение? – спрашивал кто-нибудь из непосвященных. – Много десятин?

– Одна.

И старик продолжал с упоением:

– Ягод захотел, – садовнику сказал: «Набери-ка, братец ты мой, мне к обеду клубнички!» Редисочки захотел, – огороднику сказал: «Натаскай мне редиски». Рыбки захотелось, – рыболову приказал, – своя стерлядь-то в Волге! Поехал куда захотел, – кучеру лошадь заложить велел!

– У вас, значит, много, Александр Андреевич, прислуги?

– Один. Он у меня, батюшка, за все. Он у меня и огородник, он у меня и садовник, он у меня и за кучера, он у меня и рыболов. Землю копает, крышу красит и постройки возводит, плотничает.

– Много получает?

Александр Андреевич пожимает плечами:

– Я его не бью. Голоден не бывает. Ест, что даю, сколько хочет. Чего ему еще? Он человек молодой! Другой раз дашь рубль, скажешь: «Что ты, братец ты мой, какой неряха? На тебе рубль, сходи в город. Ты человек молодой, жилетку себе купи, сапоги справь, чаю, сахару приобрети, в баню сходи, мыла купи, – ну, а на остальные развлекись!»

Так доживал на покое и в довольстве свои дни и «торжествовал» Лев Гурыч Синичкин[4], как на закулисном языке звали Александра Андреевича Рассказова.

Он весь принадлежал прошлому, нового времени не понимал и не любил.

– И, батюшка вы мой, какие теперь актеры пошли! Жалованье спрашивает, ушам не веришь. «Тысяча двести рублей!» – говорит. – «В год?» Посмотрит так, губы отпятит, словно плюнуть на тебя хочет: «В месяц!» Потому и двойные фамилии имеют, что вдвойне жалованье получать желают. На Антона и на Онуфрия бенефисы берут. А прежде?

И Александр Андреевич умилялся:

– Берешь в труппочку любовничка чистенького, брючки у него

непорванные, сюртучок незакапанный, цилиндрик и на левую руку перчаточка. Душа радуется! Семьдесят пять рублей в месяц ему дашь, матери напишет, чтобы в поминанье тебя записала! А удовольствия от него публике сколько угодно. Приятно такого молодого человека на сцене видеть. Вот тебе и семьдесят пять рублей!

И Александр Андреевич смотрел победоносно. Словно хотел сказать:

– Вы, нынешние, по тысяча двести рублей, ну-тка!

– Теперь, помилуйте, батюшка вы мой, какой актер пошел? – жаловался он. – Не актер, а магазин готового платья. «Я, говорит, – меньше восьми сундуков с собой не вожу!» Он любовника играет, – а на нем костюм сто двадцать рублей стоит. Портному только и смотреть! А в мое-то время! Служил я в Малом, – вдруг говорят: «Ты завтра Хлестакова играешь!» И воссиял, и обомлел. Карьера! А играть-то в чем? Хлестаков сам говорит: «пустил бы фрак, да жалко. Фрак от первого портного из Петербурга». А жалованья-то получал…

Я не помню в точности, сколько именно говорил А.А. Рассказов. Кажется, что-то около 7 рублей 33 коп. в месяц, – «капельдинерский оклад».

– На что тут «фрак от первого портного» заведешь? Что мне делать? Побежал я на Толкучку. В те поры хорошие портные, чтобы материала не портить, сначала, для примерок, из нанки костюмы шили. А потом уж дорогое сукно и кроили. «Нет ли, – спрашиваю, – пробочки?» Нанковые брючки и купил с костюмчиком за полтора целковых. Сшит-то у первого портного, – сразу видно. Что и требуется. А материал – кому дело? Так-с в нанковых брючках Хлестакова и сыграл. И успех имел, вызывали всем театром… А городничего играл Щепкин. С ним выходил кланяться… А нынешние в вигони[5] играют, да и то подавай им английскую.

Он был анахронизмом.

Анахронизмом для нашего времени, когда, за театром официально признают «государственное значение», когда театральный мир требует для себя того, чего не имеет даже печать, – особого, постоянного, твердого законодательства.

Александр Андреевич принадлежал к тому времени, когда актеру говорили:

– Переходи ко мне, я тебе пенковую трубку[6] подарю.

Смотрел на себя, как на «увеселителя».

И как ни гордился своими великими сверстниками, но, когда говорил о себе, тона всегда держался какого-то извиняющегося.

Словно прощенья просил, что таким пустым, в сущности,

делом занимается.

– Ибо что есть актер?

Я любил старика, потому что он дал мне своей игрой много хороших вечеров.

И старик относился ко мне с расположением, потому что знал, что больше всего я люблю искусство, и что жизнь в моих глазах только модель для искусства.

В Нижнем Новгороде, на ярмарке, Александр Андреевич часто захаживал ко мне и беседовал по-приятельски и по душе.

Он служил тогда у Димитрия Афанасьевича Вельского.[7]

– Помилуйте, батюшка вы мой, какие теперь антрепренеры пошли! – жаловался старик. – Горды стали! Горд, – а сборов никаких. И актер нынче горд. Все горды! Горд, – а в бенефис три рубля сбора. Вот хоть бы взять Дмитрия Афанасьевича. Он человек хороший. Да нешто так театр держат? Помилуйте! Держит театр на ярмарке, – ни он к купцам, ни он по лавкам. Нешто так в наше-то время делалось? Смотреть жалко-с! А актер?! Этакое жалованье получает, а чтоб об антрепренере подумать, чтоб среди купцов знакомства завести, приятелей, – нет его. Уж я, знаете, вчуже истосковался. «Надо, – думаю, – человеку помочь!» По лавкам сегодня пошел.

– Ну, и что же, Александр Андреевич?

Старый актер посмотрел на меня торжествующе:

– Шесть лож, да кресел штук пятнадцать!

Он рассмеялся довольно, радостно.

И гордо ткнул себя в грудь:

– Все из-за меня-с! Ну-ка, пусть их молодые дорогие попробуют!.. Меня, слава тебе, Господи, благодарю моего Создателя, по ярмарке знают. Многих я еще купеческими детьми знавал. Теперь сами в хозяева вышли и меня, старика, не забывают. Надо как? Пришел, про торговлю спросил, в делах участие высказал, о ценах потужил, прошлые времена вспомнил. Купцу это приятно. В палатке, над лавкой, наверху, посидел, водочки выпил. Говоришь: «Все равно, будете покупателей угощать. Угостите их нашим театриком. Взяли бы ложу, кулечек с собой. Коньячку, красненького, фруктов. В антрактах-то коньячку. Любо-дорого! И покупателю лестно, и вам приятно, а нам – хлеб. Чем в трактире-то сидеть! Купец и сдается: „Ладно!“» Александр Андреевич махнул рукой:

– Так нешто с нынешними можно? Горды! Сказал им, подал совет от чистого сердца, – посмотрели так, словно я их человека зарезать зову. «Театр – не кабак!» Тьфу! Словно если купец в антракте коньяку выпьет, так ты хорошо Гамлета играть не можешь! Он коньяк пьет, а не ты. Купец после коньяку-то еще

расположеннее.

– И много знакомых обошли, Александр Андреевич?

– Да нынче после обедни три ряда обходил. Зайду: «Вот, мол, „Вокруг света в 80 дней“[8] для вашего удовольствия ставим. Расходы большие. Что одна постановка стоит. Поддержите!» Ну, спрашивают: «А потешить, Александр Андреевич, обещаешь?» Только глазом мигнул, – они уж ржут. «Не извольте, мол, беспокоиться». Роли-то у меня там никакой нет. Английского судью какого-то, будь он трижды проклят, в одном акте играю. Только и слов у него: «все будет сделано по закону». Прямо идол. Однако, я так, батюшка, надеюсь, эти слова произнести, чтоб купцов за весь вечер утешить. И лестный аплодисмент вызову.

– Как же это так, Александр Андреевич? Одной фразой?

Он хитро и самодовольно прищурил глаз:

– Одной фразой-с! Интонацийку подберу! Тон дам. Так это самое «по закону» произнесу и жест сделаю, что сразу видно, что речь о «хапензигевезене»[9] идет!

– Что вы, Александр Андреевич! Английские судьи не берут!

– Да ведь для купцов! Батюшка!

За кулисами во время репетиций актеры смеялись:

– Синичкин роль учит!

Александр Андреевич, запершись в уборной, на тысячи ладов пробовал произносить фразу:

– Все будет сделано по закону.

И на спектакле произнес ее так, что театр заржал. А с галерки долго орали:

– Бис!

На следующий день Александр Андреевич явился ко мне сияющий и торжествующий:

– Присутствовали?

– Поздравляю, Александр Андреевич!

– Сегодня, батюшка вы мой, два балыка, да икры паюсной самой лучшей, да полцыбика чаю от благодарных купцов прислали. Да один знакомый суконщик к себе звал, – на костюмчик драпу отрезать!

И он перечислял эти трофеи, словно полученные лавровые венки.

– Поздравляю, Александр Андреевич, поздравляю!

Александр Андреевич вскочил:

– Нет-с, благодарность какова! Рассказываю вчера режиссёру, как по лавкам купцов звать ходил. А он, вместо того, чтоб «спасибо» сказать, скосил на меня морду, как середа на пятницу, и этак сквозь зубы: «Напрасно, – говорит, – Александр Андреевич, вы это делаете!» А? Купцы пришли, – и это напрасно! Хотел

плюнуть, – еле удержался. Вот вам люди!

Я любил слушать эти рассказы.

Словно другое, отжитое, умершее, невозвратное время говорило устами этого старика.

Он был, кажется, последним «законченным типом» приниженного актера старого времени, которое зовут «добрым».

Навстречу этим старикам, словно конфузившимся своей дорогой, своею любимой профессией, пришло племя новое, смелое, гордое, которое высоко держит голову, сознает свое достоинство, свое значение.

Только вот играет это племя скверно.

Это жаль.

**notes**

# Примечания

# 1

Впервые – «Русское слово», 1902, 6 августа, No 214. Печатается по изданию – *Сцена.*

## 2

*Рассказов* Александр Александрович (1832—1902) – русский актер, антрепренер, выступал в провинции, в 1853—1866 гг. работал в Александрийском и Малом театрах. В последние годы жизни содержал театр в Пушкино под Москвой. Был актером яркой характерности, особенно ему удавались роли в амплуа простаков. Лучшие роли: в пьесах А.Н. Островского – Бальзаминов («Праздничный сон до обеда»), Афоня («Грех да беда на кого не живет»), Белогубов («Доходное место»), Непутевый («На бойком месте»), Митрич («Власть тьмы» Л.Н. Толстого), Оргонт, Журден («Проделки Скапена», «Мещанин во дворянстве» Ж.-Б. Мольера).

## 3

*…одного из первых представлений «В чужом пиру похмелье» Островского. Андрея Титыча Брускова… играл «г. Рассказов».* – Премьера пьесы состоялась на сцене Малого театра 9 января 1856 г., в роли Андрея Титыча Брускова выступил С.В. Васильев (1827—1862). В Петербурге в Александрийском театре премьера прошла 18 января 1856 г., в роли Андрея Титыча Брускова выступил Ф.А. Бурдин (1827—1887), Рассказов в этом спектакле исполнил роль Капитона Титыча.

## 4

*Лев Гурыч Синичкин* – герой водевиля Д.Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин, или Провинциальная дебютантка» (1839), в роли которого выступал Рассказов.

*Вигонь* – ткань из смеси хлопка с грубой шерстью.

*Пенковая трубка* – из пористого минерала, пенки.

## 7

*Он служил тогда у Дмитрия Афанасьевича Вельского…* – Антрепренер Д.А. Вельский держал антрепризу в Нижнем Новгороде с 1881 г. В 1889 г. из-за конфликта с актерами и долгов он бросил группу.

# 8

*«Вокруг света в 80 дней»* – инсценировка по роману (1872) французского писателя Жюля Верна (1828—1905).

*«Хапензигевезен»* – жаргонное обозначение взятки.